

И какая же у неё красивая и точечная внешность — двум моим ггеге, наложницы, и в подметки не годятся. Консорт Лин приветливо улыбалась, подстраиваясь под Цяньлуна, и её слова заставили Императора расцвести от удовольствия.

Сидевшие рядом Императрица и нянька Жун невольно мысленно цыкнули языком: подумать только, все слова — и хорошие, и дурные — она умеет повернуть в свою пользу! У этой Консорты Лин и впрямь сердце на семи дырочках*. Неудивительно, что в прошлой жизни Император так благоволил ей. Императрица была вынуждена признать: простая служанка из числа рабов-боев, сумевшая подняться до нынешних высот, уж точно не была простяком.

— Государь, эта наложница считает, что нужно дождаться, пока та девушка придёт в себя, и обо всём её расспросить, прежде чем принимать какие-либо решения. Иначе если в будущем всякие бродячие псы и дворовые шавки станут приходить во дворец с имперской каллиграфией и живописью, требуя признать в вас отца, то в Запретном городе станет слишком шумно.

— Императрица, с каких это пор ты стала указывать тому, что делать мне? — Цяньлун мгновенно переменился в лице, а атмосфера вокруг заметно похолодала.

Нянька Жун рядом с ними перепугалась до смерти: ну и язык же у её госпожи Императрицы!

— Прошу Императора о снисхождении! Но дело это крайне важное, и я, будучи Матерью Поднебесной, не могу допустить, чтобы императорская кровь подверглась хоть малейшему сомнению.

Императрица вместе с нянькой Жун опустилась на колени. Если бы в прошлой жизни Консорт Лин и Император не уперлись на том, что Сяо Яньцзы — это и есть дочь Сяо Юйхэ, бедная Сяо Яньцзы не была бы обречена нести обвинение в обмане Сына Неба с самого первого мгновения, как открыла глаза. Теперь же она исправит эту ошибку и вернет всё на круги своя.

— Ладно, Императрица, встань пока. Решение примем, когда эта девушка очнется.

Слова Императрицы были не лишены здравого смысла. Сам он отличался нравом легкомысленным и романтическим, а потому не мог наверняка поручиться, не осталось ли у него в народе затерянных капель драгоценной жемчужины.

Цяньлун от этих терзаний чувствовал легкую головную боль. Он лишь надеялся, что Сяо Яньцзы поскорее очнется, выложит всю правду до конца, и тогда он сможет достойно отчитаться перед Юйхэ.

Точно так же скорейшего пробуждения Сяо Яньцзы ждал и императорский лекарь Чан. Чтоб его душу разорвали демоны! Когда случается что-то хорошее, о нем и не вспоминают, а как только появляется сложный и запутанный случай, так сразу тащат его сюда, да еще чуть что грозят снести голову с плеч. Возразить Императору он, конечно, не смел. Но стоило вспомнить, что целыми днями у него над ухом жужжат две огромные мухи, — он что вам,

отхожее место, что ли?!

— Императорский лекарь Чан, императорский лекарь Чан! Куда это вы направляетесь? — лекарь Чан только собрался было направиться в Императорскую аптеку, как столкнулся с Бэньцземином.

— Хватит меня допрашивать! Скоро всё закончится: у той девушки руки и ноги согрелись, она вот-вот придет в себя. Сейчас я иду варить ей отвар, так что не приставай ко мне! — не дожидаясь, пока Бэньцземин успеет задать вопрос, Чан Шоу поспешно ответил за него, дав понять, что не желает с ним возиться.

— Значит, ее жизни больше ничего не угрожает? О, мой бог, слава небесам!

— Какая еще слава небесам? Разве небеса способны справиться с такой напастью? Всё благодаря таланту меня, Чан Шоу! Пока она в моих руках, еще никто не умирал от врачебной ошибки, — выпрямив спину, с гордостью заявил лекарь.

Пусть у него и хромал навык общения, а льстить он отчаянно не умел, но что касалось медицины — если он осмеливался назвать себя вторым, то первому впору было и вовсе не рождаться.

— Прекрасно! Должен немедленно рассказать Пятому принцу! — на лице Бэньцземина отразилась радость.

— Стоять! — рявкнул Чан Шоу, преграждая ему путь. — Во всем дворце, кроме самого Императора, только вы с Пятым принцем и расспрашиваете обо всем без усталости, являетесь с утренними и вечерними поклонами — того и гляди решишь, что это вы ко мне, старому дураку, с почтением жалуете! часом не вы ли подстрелили эту девчонку из лука?

Бэньцземин смущенно скривился:

— Можно сказать, нанес косвенный урон.

Чан Шоу хитро сверкнул глазами:

— Раз ты так о ней печешься, небось положил глаз на девчонку?

— Императорский лекарь Чан, оставьте свои шуточки! Ой, я вспомнил, что Императрица просила меня написать картину для Двенадцатого принца, так что я побежал!

Чан Шоу победно усмехнулся: говорит, мол, для Двенадцатого принца картину писать, а сам несется в сторону дворца Яньсигун — обвести вокруг пальца этого заморского дьявола раз

плюнуть!

Глава 4. Пробуждение

— Что это за место? Откуда здесь столько красоты... Ой, и сколько же тут небожителей! Должно быть, я вознеслась на небеса, — Сяо Яньцзы открыла глаза.

В поле зрения предстал роскошный, ослепляющий своим великолепием дворец и сновистосуетившиеся служанки в изысканных нарядах — всё выглядело точь-в-точь как райские кущи.

Истинно говорят: добрым людям воздается по заслугам! Она, благородная воительница Сяо Яньцзы, вершила праведный суд направо и налево — и даже после смерти удостоилась вознесения на небеса. Жаль только Цзывэй: в какой же китайский пасхальный кулич ей придется ждать, пока удастся отыскать отца?

— Очнулась! Она что, очнулась? Глаза открыла! Глаза двигаются! — с восторгом закричала Ламэй, заметив, как Сяо Яньцзы хлопает своими большими глазами.

— Прибыла Ее Величество Императрица! — раздался снаружи зычный голос евнуха.

Сяо Яньцзы торопливо зажмурилась, а на губах ее все еще застыла улыбка — вид у нее был такой, будто она скончалась в полном умиротворении. Ламэй потерла глаза: неужто ей померещилось?

А Сяо Яньцзы тем временем терзали смутные сомнения: неужто это не рай? И с какой стати сюда пожаловала какая-то Императрица?

— Желаю благополучия Ее Величеству Императрице! — Консорт Лин даже подняться толком не успела, как поспешила выразить почтение.

Эта Императрица зачастила сюда куда чаще, чем следовало.

Императрица слегка кивнула и, сдерживая щемящую в груди нежность, подошла к постели Сяо Яньцзы. Глядя на плотно зажмурившуюся девушку, у которой под веками беспокойно бегали зрачки, Императрица невольно тихонько усмехнулась — эта девчонка притворялась спящей точно так же, как и в прежние времена.

— Ну что? Есть ли улучшения в состоянии этой девушки? — невозмутимо спросила Императрица, хотя в ее взгляде читалось неподдельное беспокойство.

Придворный лекарь почтительно ответил:

— Докладываю Ее Величеству: пульс выровнялся, жизни больше ничего не угрожает. Если обеспечить ей должный уход, то не пройдет и луны, как она полностью исцелится.

Императрица с мягкой улыбкой кивнула:

— Благодарю вас, лекари, вы все трудились на славу. Позаботьтесь об этой девушке со всей тщательностью. Если в Императорской аптеке не окажется каких-то целебных снадобий, запрашивайте их прямо у меня.

Консорт Лин теребила в руках шелковый платок, а ее изящные брови слегка сошлись на переносице: замыслы Императрицы оставались для нее загадкой.

Точно так же в неведении пребывала и нянька Жун. Поначалу она думала, что ее госпожа явилась сюда, чтобы указать Консарту Лин и этой девчонке на их место, так с какой же стати она сама предлагает лекарства? Не иначе как это новый хитрый план государыни! Выражение лица няньки Жун сменилось с озадаченного на сияющую, широкую улыбку, хотя краше от этого она не стала.

— Неужто я и вправду во дворец попала? Да еще и саму Императрицу увидела... А эта Императрица, оказывается, совсем неплохая женщина, — думала про себя Сяо Яньцзы, прислушиваясь к словам государыни.

И при этом не забыла приоткрыть один глаз, чтобы хоть краем узора взглянуть на Императрицу, да только случайно встретилась взглядом с беспрестанно меняющей выражения лицом нянькой Жун.

— Пф-ф! — Сяо Яньцзы вовсе не собиралась смеяться, но удержаться оказалось выше ее сил.

— Ой, неужто слышался смех? Неужели эта девчонка пришла в себя? — Императрица видела все насквозь — навыки притворства у этой девчонки ничуть не изменились.

— Императрица, с тех пор как эта девочка получила ранение, она ведет себя странно. То жалуется на боль, то вдруг начинает хохотать без причины — должно быть, ее сильно напугали.

Нужно отдать должное Консарту Лин — соображала она молниеносно, страшно боясь, что Императрица замышляет что-то против Сяо Яньцзы.

— О? Спит беспокойно? По мне так, Консарт Лин, этот твой боковой павильон и вправду тесноват. Не лучше ли перевести девушку в мои покои во дворец Куннингун?

— Ни в коем случае нельзя, Императрица! Девочка тяжело ранена, без сознания, разве можно ее тревожить переездами? К тому же вы — Мать Поднебесной, как можно утруждать ваше

высочество заботой об этой девице? — Консорт Лин торопливо опустилась на колени.

Император придавал стольких значению этой девушке из народа, и она, разумеется, не собиралась упускать шанс сблизиться с Сяо Яньцзы. Та еще не пришла в себя, а она уже рисковала отдать плоды своих трудов чужой воле.

— Сестрица Консорт Лин, встань же. Я просто к словумолвила. Твои труды в эти дни у всех на глазах. Нянька Жун, принеси из моих покоев тот комплект украшений из красного рубина и червонного золота, что шел в приданое, и пожалуй его в дар сестрице Консарту Лин.

Нянька Жун с недовольным видом скривила губы и глухо отозвалась:

— Слушаюсь.

Такие сокровища — и просто так достались этой Консарту Лин!

— Благодарю Императрицу за щедрый дар!

— Ну всё, ступайте пока. Возвратитесь чуть позже, нечего вам здесь толпиться столбом.

Остальные поклонились и удалились; Консорт Лин, поддерживаемая с явной неохотой Дунсюэ, тоже поплелась на выход. В комнате остались лишь Императрица со служанкой да Сяо Яньцзы.

— Всё, хватит притворяться, будто спишь, — медленно проговорила Императрица, поправляя пряди у виска.

Сяо Яньцзы зажмурилась еще крепче: «Она меня не видит, она меня не видит! Пока я притворяюсь спящей, они мне ничего не сделают!»

— Нянька Жун, как по-твоему, откуда эта девчонка родом? — Императрица бросила на верную служанку многозначительный взгляд.

Нянька Жун тут же уловила мысль госпожи:

— По мнению этой старухи, государыня, перед нами самая настоящая самозванка. Скорее всего, польстилась на богатство и роскошь, раз уж вздумала выдавать себя за принцессу.

— О? Неужто? А я вот слыхала от людей, будто брови и нос этой девчонки точь-в-точь как у самого Императора высечены из одного камня. Скажи-ка, нянька Жун, какого наказания заслуживает та, что выдает себя за принцессу?

— Докладываю Ее Величеству: по законам Великой Цин выдавать себя за членов императорской семьи — тяжкое преступление, караемое отрубанием головы.

Слушая этот беззаботный разговор, шедший так, будто ее здесь вовсе не было, Сяо Яньцзы широко распахнула глаза. О небеса! Да эта Императрица с нянькой Жун просто исчадия ада — они же хотят снести голову с плеч ее, бедной Сяо Яньцзы! Цзывэй, ох уж твоя Цзывэй, на этот раз ты меня и впрямь в могилу сведешь!

Императрица, разумеется, заметила перемену в поведении Сяо Яньцзы:

— Подумать только, какая распрекрасная девица — и лишиться головы, право слово, до чего же жаль.

— О... Императрица! Я не выдаю себя за принцессу! Я всего лишь передаю письмо для Цзывэй!

— Нянька Жун, кажется, эта девушка все же соизволила проснуться, — легко рассмеялась Императрица.

Сяо Яньцзы вытаращила глаза, глядя на улыбающуюся с таким добродушием Императрицу, и ее переполнили вопросы без ответов. Да что с этими людьми во дворце не так? Все они двуличные лицемеры? Радоваться эдак отрубанию чужих голов — это вообще в порядке вещей?!

— Императрица, я и вправду не принцесса! Помилуйте голову Сяо Яньцзы!

— А когда я говорила, что собираюсь рубить тебе голову?

— Прекрасно! Императрица, вы не станете отрубить голову Сяо Яньцзы? Вы просто ангел небесный! — сердце Сяо Яньцзы подпрыгнуло от радости, и она попыталась даже приподняться на постели.

— Ты еще не оправилась от ран, ложись скорее, не тревожь швы, — Императрица поспешно подошла к кровати, уложила ее обратно и аккуратно пододеяла края одеяла.

— Точно, Императрица! Я вовсе не принцесса, я пришла передать весточку от Цзывэй. Настоящая дочь Сяо Юйхэ — это Цзывэй!

— Сяо Яньцзы, я всё понимаю, ты у меня добрая девочка. Вот только Император еще не закончил утренний совет. Как только он освободится, ты расскажешь ему всё лично, хорошо?

Императрица говорила с Сяо Яньцзы ласково и тихо, и в каждом её слове сквозила искренняя забота. Говоря это, она протянула руку и нежным, мягким движением убрала со лба Сяо

Яньцзы несколько растрепавшихся прядей волос.

Сяо Яньцзы закивала, точно цыпленок, клюющий зерно, и в смущении залилась румянцем: Императрица оказалась такой невероятно красивой и доброй, совсем как небожительница с небес.

А вот нянька Жун в стороне чувствовала неладное — что-то здесь было в корне не так. Что стряслось с ее госпожой? Уж не?.. Няньку Жун озарило свыше, и на лице ее застыло выражение глубокого прозрения. Её хозяйка наверняка решила пойти по проторенной Консортом Лин дорожке, чтобы у той самой не осталось ни единого шага впереди!

Глава 5. Сяо Яньцзы раскрывает всю правду

Дворец Яньсигун

— Как она сегодня? Есть ли улучшения? — Цяньлун, едва завершив утренний совет, стремглав направился прямо во дворец Яньсигун.

Консорт Лин облегченно выдохнула: с тех пор как эта девушка в тяжелом состоянии попала во дворец, Императрица зачастила в Яньсигун едва ли не через день, и выставить ее за порог было никак нельзя. Приходилось волей-неволей расстилать перед этой матушкой красную дорожку, так что Консорт Лин валилась с ног от усталости.

— Докладываю Императору: она только что приняла лекарство и заснула. Лекарь говорит, идет на поправку отлично. Ламэй передавала, что утром она ненадолго приходила в себя — наверное, сильно перепугалась: глазами хлопала, зрачками крутила, а произнести ни слова не смогла, — мягким, певучим голосом отрапортовала Консорт Лин.

— Уж не завелась ли какая нечисть в покоях Консорта Лин, раз она так напугала бедную девушку? — Императрица, теребя в пальцах платок, тихонько усмехнулась краешком рта — она просто не выносила эту Консорт Лин.

Цяньлун не стал тратить время на придворные пересуды наложниц, уселся прямо на край постели и, перехватив у Ламэй платок, начал аккуратно промокать капельки пота на лбу Сяо Яньцзы. Обе женщины мгновенно умолкли.

— Цзывэй... Цзывэй, не сердись на меня, я верну тебе твоего отца... — Сяо Яньцзы резко распахнула глаза и сразу же увидела встревоженный взгляд Цяньлуна.

— Ты... кто ты такой?

— Сяо Яньцзы, перед тобой Император. Разговаривать с Его Величеством так напрямую не положено, — тут только Сяо Яньцзы заметила, что в комнате также стоят Императрица и та

самая красивая дама, которая ухаживала за ней раньше — судя по всему, еще одна наложница.

— Император! — Сяо Яньцзы через боль попыталась приподняться и отдать поклон, напрочь забыв о собственных ранах.

— Лекарь сказывал, что тебе еще лежать и лежать, не стоит церемониться, — Цяньлун поспешно удержал ее от резких движений, а в его взгляде читалась бесконечная отеческая нежность.

Вот она — дочь его и Юйхэ! Те же большие глаза, тот же изящный носик. Среди стольких принцесс и принцев в гареме Цяньлун чувствовал, что именно Сяо Яньцзы была похожа на него больше всех.

— И вправду Император? Тот самый Император Цяньлун?

— Разумеется, девица Сяо Яньцзы, перед тобой нынешний государь нашей династии, — глядя на восхищенное лицо Сяо Яньцзы, Императрица мягко улыбнулась.

— О небеса, какая радость! Я наконец-то увидела Императора! — Сяо Яньцзы была так счастлива, что готова была подпрыгнуть на три фута вверх. Впрочем, вспомнив про боль в теле, она лишь легонько постучала себя кулаком по лбу в знак переполнявшего ее восторга. Цзывэй, Цзывэй, ты видишь это? Сяо Яньцзы повстречалась с твоим батюшкой!

— Вот именно, ты наконец увидела Императора. Я знаю, скольких трудов стоил тебе этот путь, ласточка моя, — лицо Цяньлуна смягчилось, заразившись ее искренней радостью.

— Государь, Сяо Яньцзы совсем не трудно!

— Глупая девочка, всё еще зовешь меня императором? Пора бы назвать меня отцом-Императором, — с улыбкой вставила Консорт Лин, а Цяньлун ожидал этого с нескрываемым предвкушением.

— Сяо Яньцзы, ну же, оклики его, это твой Отец-Император!

Во взгляде Сяо Яньцзы мелькнуло замешательство. Это же отец Цзывэй! Переведя взгляд на ожидавших ответа Императора и наложницу, Сяо Яньцзы втянула голову в плечи. Она, конечно, завидовала тому, что у Цзывэй был такой мягкий и добрый отец, и сама не раз мечтала о жизни в шелках и парче.

Она и в самом деле грезилась о богатой жизни и промышляла мелкими кражами не впервые. Но ведь Цзывэй — ее названная сестра, перенесшая столько лишений в дороге! Разве могла она украсть чужого отца?

— Сестрица Консорт Лин, мне кажется, вы излишне торопите события. Государь, давайте-ка лучше послушаем, что скажет сама девушка, — с мягкой улыбкой сгладила неловкость Императрица, решив, что Сяо Яньцзы просто стесняется.

— Императрица права. Ну, Сяо Яньцзы, поведай мне, откуда у тебя эта живопись и складной веер?

— Докладываю Императору: эти свитки принадлежат Цзывэй, а я лишь доставляла послание. Государь, Цзывэй и Цзиньсо такие хрупкие девушки, они пешком добрались из Цзинаня в Пекин и потратили на это больше полугода, ей пришлось очень нелегко! Умоляю, не отказывайтесь от Цзывэй!

— Сяо Яньцзы, ты хочешь сказать, что вовсе не дочь Сяо Юйхэ, а та девушка по имени Цзывэй и есть истинная дочь Сяо Юйхэ, я правильно понял? — обобщила сказанное Императрица.

— Да-да, Императрица! Сяо Яньцзы не лжет, Цзывэй и вправду дочь Императора и Сяо Юйхэ!

— Сяо Яньцзы, скажи мне, где сейчас та девушка по имени Цзывэй? — нахмурившись, спросил Цяньлун, и большая часть его недавнего воодушевления вмиг улетучилась. Лицо Консорта Лин помрачнело, она с тревожным видом закусил губу.

— Государь, Цзывэй и Цзиньсо сейчас живут в трущобах вместе с Лю Цыном и Лю Хун.

— Сяо Луцзы! Немедленно отправляйся в трущобы и доставь девушку Цзывэй во дворец! Пошли Фухэня, да поживее!

— Погодите. Государь, покорнейше прошу прощения, но кажется, вы потеряли голову от волнения. Девица Сяо Яньцзы еще не назвала точного адреса трущоб, так что Сяо Луцзы просто не сможет выполнить ваше поручение, — заметила Императрица.

Сяо Луцзы с благодарностью взглянул на нее: он служил при императорских покоях, и если уж государь отдал приказ, ослушаться он не смел бы, но пришлось бы действовать вслепую.

— Кроме того, государь, я считаю, что разглашать об этом преждевременно. Фухэнь — министр Военного совета, а посылать его за девицей, чье происхождение еще не подтверждено документально... — Императрица не договорила, но Цяньлун и сам понял, что поддался минутной слабости.

— Императрица говорит дело, это я недодумал.

— Государь, по мнению этой наложницы, лучше поручить это дело Эркану, — прекрасные глаза Консорта Лин хитро блеснули, и она поспешила перехватить инициативу.

Цяньлун нахмурился. Семья Фу была родом из клана Консорта Лин, и ее желание продвинуть родных вполне объяснимо. Но у Императора оставался осадок на душе: если бы Консорт Лин не твердила все уши о том, что Сяо Яньцзы — вылитая копия его собственного лица, он бы не совершил такую ошибку и не чуть не признал чужого ребенка.

И если бы не честность самой Сяо Яньцзы, не польстившейся на богатства, его настоящая дочь так бы и продолжала страдать в миру.

— Что думает Императрица? — Цяньлун обошел стороной предложение Консорта Лин.

— Государь, эта наложница считает, что происхождение барышни Цзывэй необходимо сначала тщательно проверить, во избежание пересудов в будущем.

Никто не знал истинного происхождения Цзывэй лучше Императрицы, и никто так не сочувствовал ей. Больше всего на свете она винила себя перед этой девочкой.

Однако Лао-фо-е превыше всего ценила чистоту императорской крови, и в прошлой жизни поспешное признание Сяо Яньцзы вызвало у нее глубочайшее недовольство. На этот раз она желала, чтобы статус принцессы достался Цзывэй по всем правилам и беспрекословно.

— Императрица, Цзывэй и вправду дочь Сяо Юйхэ! Цзывэй она... — Сяо Яньцзы, не ведая истинных помыслов Императрицы, тревожно заговорила.

— Не суетись, дитя мое, я верю тебе, — Императрица ласково похлопала Сяо Яньцзы по руке.

— Государь, я слышала, что старший сын лорда Фуча, Фу Линъань, ведет дела на редкость рассудительно и надежно. Пусть лучше Фу Линъань отправится в Цзинань на разведку, чтобы происхождение барышни Цзывэй было подтверждено по всей форме. А сейчас самое главное — отправить кого-нибудь оповестить Цзывэй о состоянии Сяо Яньцзы: они же названные сестры, и раз Сяо Яньцзы так долго не давала о себе знать, та девушка, пожалуй, с ума сходит от беспокойства. Эркан — человек из окружения государя, в его надежности сомневаться не приходится, так что пусть Эркан и смотается в трущобы.

Императрица чувствовала глубокую жалость к Цзывэй — в прошлой жизни она совершила слишком много ошибок и теперь жаждала лишь искупить вину перед обеими девушками. И хотя Эркана она не жаловала, нельзя было не признать: его чувства к Цзывэй были поистине преданными.

— Пусть будет по слову Императрицы.

Цяньлун бросил взгляд на сидевшую рядом кроткую и исполненную достоинства Императрицу и невольно на миг потерял дар речи. Эта его Императрица возводила правила во главу угла, уступая в мягкости Шуфэй и не обладая кротким нравом Консорта Лин.

Теперь же он воочию убедился, насколько был слеп.

Стоявшая рядом Консорт Лин едва не изодрала в клочья собственный платок. Она-то рассчитывала, раз уж Император так дорожит этой девчонкой из народа, подбросить пару словечек от себя, а оказалось, что перед ней самозванка, да еще и вызвавшая немилость государыни и легкое раздражение самого Цяньлуна.

Впрочем, эта Сяо Яньцзы казалась существом простодушным: стоило лишь перетянуть ее на свою сторону, как завладеть расположением настоящей принцессы из народа не составит труда. От этой мысли Консорт Лин немного успокоилась, и ее взгляд в сторону Сяо Яньцзы снова стал благожелательным.

Глава 6. Первая встреча Эркана и Цзывэй в трущобах

Трущобы

Сяо Яньцзы пропадала уже три дня. Лю Цин и Лю Хун метались по комнате, словно муравьи на раскаленных углях.

Они росли вместе с Сяо Яньцзы с малых лет, и пусть та вечно влипала в неприятности, брат с сестрой всегда считали ее членом семьи. Теперь же, когда она бесследно исчезла, все обитатели трущоб потеряли сон и покой.

Цзывэй же и вовсе не осушала глаз от слез — ее веки опухли и покраснели, точно пара грецких орехов. Не получая никаких вестей о подруге и зная лишь о покушении на жизнь Императора, она интуитивно чувствовала: Сяо Яньцзы схватили, приняв за убийцу.

— Барышня, не плачьте же так, вы совсем глаза выплакали, — Цзиньсо тяжело вздыхала, глядя на убитую горем Цзывэй, ведь она сама места себе не находила от тревоги за Сяо Яньцзы.

— Цзиньсо, это я во всем виновата, это я погубила Сяо Яньцзы... — слезы градом катились по лицу Цзывэй.

Дверь со скрипом отворилась, и в комнату вошли Лю Цин и Лю Хун.

— Лю Цин, Лю Хун, умоляю, сходите во дворец, разузнайте хоть что-нибудь о Сяо Яньцзы! — в отчаянии вскочила Цзывэй.

— Во дворец?! Вы что же, совсем страх потеряли, как вас угораздило связаться с дворцовыми людьми?!

— Вы... вы случайно не знаете каких-нибудь евнухов или старых нянек оттуда?

<http://bllate.org/book/22028/2290199>